

ДЖЕЙМС КОМИ

Русский след
ТРАМПА

ДИРЕКТОР ФБР
СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ...

Весь мир

Джеймс Коми

**Русский след Трампа.
Директор ФБР свидетельствует**

«Алисторус»

2017

УДК 327
ББК 66.4

Коми Д.

Русский след Трампа. Директор ФБР свидетельствует / Д. Коми —
«Алисторус», 2017 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00222-096-0

В 2016 году Служба внешней разведки России получила нешуточную рекламу - по версии американских спецслужб и СМИ ее агент Дональд Трамп был избран президентом США. Бывший директор ФБР Джеймс Коми был одним из тех, кто активно поддерживал это обвинение. В своих мемуарах он рассказывает об этих и других страницах закулисной жизни вашингтонских элит. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00222-096-0

© Коми Д., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джеймс Коми
Русский след Трампа. Директор
ФБР свидетельствует...

James Comey
A Higher Loyalty: Truth, Lies, and Leadership
Flatiron Books, New York, 2017

© Коми Дж., 2023
© Иванов Г., переводчик, 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

Пролог

Между штаб-квартирой ФБР и Капитолийским холмом десять кварталов, и каждый из них врезался мне в память за время бесчисленных челночных командировок вверх-вниз по Пенсильвания-авеню. Проезжать мимо Национальных архивов, где туристы выстроились в очередь, чтобы увидеть документы Америки, Музея журналистики и новостей «Ньюзеум» – с вырезанными на его каменном фасаде словами Первой поправки – и продавцов футболов и тележек с едой стало чем-то вроде ритуала.

Был февраль 2017, и я сидел на заднем ряду полностью бронированного «Субурбан» ФБР. Средний ряд сидений вынули, так что я сидел в одном из двух кресел сзади. Я привык наблюдать проносившийся мимо окружающий мир сквозь маленькое темное пуленепробиваемое боковое стекло. Я был на пути на еще одно секретное слушание в Конгрессе по поводу вмешательства России в выборы-2016.

Появиться перед членами конгресса и в хороший день было непростым делом, и обычно обескураживающим. Создавалось впечатление, что практически все занимают какую-либо сторону, и, казалось, слушают лишь для того, чтобы найти крупницы, соответствующие тому, что они хотели услышать. Они привыкли спорить друг с другом через вас: «Господин Директор, раз кто-то сказал X, разве этот человек не идиот?» И ответ также последует через вас: «Господин Директор, раз кто-то говорит, что кто-то, кто сказал X, идиот, разве этот человек не является настоящим идиотом?»

Когда речь заходила о наиболее спорных на памяти выборах, дискуссия сразу же становилась еще более злой, и лишь немногие желали, или были способны, отставить в сторону свои политические интересы и сосредоточиться на правде. Республиканцы хотели быть уверены, что русские не избрали Дональда Трампа. Демократы, которых все еще трясло от результатов состоявшихся несколько недель назад выборов, хотели прямо противоположного. Было мало точек соприкосновения. Это было словно присутствовать на ужине на дне Благодарения с семейством, которое ест вместе лишь по решению суда.

ФБР, со мной в качестве его директора, оказалось в центре узкопартийной желчи. Это было не совсем ново. Мы были втянуты в выборы, начиная с июля 2015 года, когда наши опытные профессионалы в ФБР начали уголовное расследование передачи Хиллари Клинтон секретной информации через свою личную электронную почту. Это было время, когда даже использование терминов «уголовное» и «расследование» являлось источником ненужных дебатов. Годом спустя, в июле 2016, мы начали расследование, были ли массовые российские усилия повлиять на голосование на выборах президента путем причинения ущерба Клинтон и помощи в избрании Дональда Трампа.

Это была печальная, хотя и неизбежная, ситуация для Бюро. Хотя и являясь частью исполнительной власти, ФБР призвано держаться в стороне от политики в американской жизни. Его миссия заключается в поиске правды. Для этого ФБР не может быть ни на чьей стороне, кроме страны. Конечно же, у членов Бюро, как и у всех других, могут быть свои собственные личные политические взгляды, но когда его люди встают в зале судебных заседаний или в Конгрессе, чтобы доложить о том, что они обнаружили, они не могут рассматриваться как республиканцы, демократы или часть какого-либо сообщества. Сорок лет назад Конгресс установил десятилетний срок пребывания в должности для директора ФБР, чтобы укрепить эту независимость. Но и в столице, и в стране, раздираемой партийным конфликтом, отстраненность ФБР одновременно являлась и непривычной, и сбивающей с толку, и постоянно подвергалась испытаниям. Это вызывало чудовищное напряжение у карьерных профессионалов в агентстве, особенно когда их мотивы постоянно подвергались сомнению.

Я взглянул на Грегга Брауэра, нового главу отдела ФБР по делам Конгресса, ехавшего со мной на Холм. Грег был пятидесятилетним невадцем с волосами с проседью. Мы взяли его на работу из юридической фирмы. До этого он являлся главным федеральным прокурором Невады, а также избранным законодателем штата. Он знал правоохранительную деятельность, а также сложную и весьма отличающуюся политическую деятельность. Его работой было представлять ФБР в резервуаре с акулами Конгресса.

Но Брауэр не подписывался на подобные потрясения, которые лишь усилились после шокирующих результатов выборов 2016. Грег еще не так долго был частью Бюро, так что я волновался, что эти безумие и стресс могут подействовать на него. Я был наполовину уверен, что он распахнет дверь «Субурбан» и пустится наутек в сторону холмов. Будучи моложе, еще с малым числом появлений за свидетельским столом в Конгрессе, я мог бы подумывать о том же. Посмотрев на него, я предположил, что он думает о том же, о чем и я: «Как я здесь очутился?».

Я видел эту обеспокоенность на лице Брауэра, так что нарушил молчание.

– КАК ЖЕ ЭТО КРУТО, – громко произнес я так, что, несомненно, привлек внимание агентов на передних сиденьях.

Брауэр посмотрел на меня.

– Мы в ДЕРЬМЕ, – сказал я.

Теперь он выглядел удивленным. Директор ФБР только что произнес «дерьмо»?

Угу, произнес.

«Мы по пояс в дерьме», – добавил я с преувеличенной улыбкой, показав руками как глубоко. – «Где еще ты хотел бы быть?» – перефразируя Шекспира, речь на день святого Криспиана, я добавил: «Этой ночью люди в Англии в кровати хотели бы оказаться здесь».

Он рассмеялся и ошутимо приободрился. Я тоже повеселел. Хотя я уверен, что мысль выпрыгнуть из несущейся машины все еще приходила Грегу на ум, напряжение спало. Мы вместе вздохнули. Мгновение мы были двумя путешественниками. Все должно было быть хорошо.

Затем этот миг прошел, и мы подъехали к Капитолию США, чтобы говорить о Путине, Трампе, голословных утверждениях о сговоре и секретных досье, и кто знает, о чем еще. Это был просто еще один напряженный момент в том, что являлось одним из самых безумных, наиболее последовательных и даже образовательных периодов в моей жизни, и некоторые могут сказать, в жизни страны.

И неоднократно я ловил себя на том, что задавал себе один и тот же вопрос: как, черт возьми, я здесь оказался?

Глава 1

Жизнь

Жизнь начинается со лжи.

В 1992 году я был помощником прокурора США в Нью-Йорке, и это были слова, которые я услышал от старшего члена одного из самых печально известных преступных кланов в Соединенных Штатах.

Сальваторе «Сэмми Бык» Гравано был самым высокопоставленным американским гангстером, когда-либо становившимся федеральным осведомителем. Он переметнулся, чтобы избежать пожизненного заключения в тюрьме, а также потому, что услышал правительственные записи, на которых его босс, Джон Готти говорил о нем плохие вещи у него за спиной. Теперь арестованный нами Гравано посвящал меня в правила мафиозной жизни.

Членство в Коза Ностра – «наше дело» – становится официальным лишь после клятвы, произнесенной перед боссом, «смотрящим» и консилиери семейства. После этой церемонии преступник станет известен как «сделанный». Первым вопросом тайного посвящения было: «Ты знаешь, зачем ты здесь?». Избранный должен был ответить: «нет», несмотря на тот факт, пояснил Гравано, что лишь идиот не поймет, для чего лидеры семейства собрались вместе с ним в подвале одного из ночных клубов.

Почти на два десятилетия лидеры американской мафии заключили соглашение не принимать новых членов. В 1957 году они «закрыли книги» – термин, отражающий, что в этом процессе используется фактический обмен бумагами, в которых содержатся клички и настоящие имена их членов, среди семейств мафии – из-за серьезной озабоченности контролем качества и проникновением информаторов. Но в 1976 году они договорились, что каждая семья может принять десять новых членов, а затем книги снова будут закрыты, и новые члены допускаются лишь для замены умерших. Для каждого семейства эти десять были самыми закоренелыми звездными гангстерами, которых замораживали годами. Гравано пришел в мафию как часть этого «высшего класса».

Принятие десяти новых членов после столь долгого закрытия очевидно легло бременем на преступное сообщество. В типичной церемонии посвящения ожидается, что новичок будет держать в сложенных в виде чаши руках горящее изображение католического святого, окрашенное кровью, капающей из его указательного пальца, и продекларирует: «Пусть моя душа сгорит, как этот святой, если я когда-либо предам Коза Ностру». Гравано вспомнил, что когда они дошли до драматического заключения его церемонии, ему пришлось произнести эти слова, держа взамен горящую пропитанную кровью бумажную салфетку. Семья Гамбино не позаботилась обеспечить достаточное количество портретов святых для сжигания.

Церемония посвящения Гравано не только началась со лжи, ею она и закончилась. Босс перечислил для него правила американской Коза Ностры: не убивать при помощи взрывчатки; не убивать сотрудников правоохранительных органов; не убивать других «сделанных» без официального разрешения; не спать с женами других «сделанных»; и не иметь дела с наркотиками. Как правило, мафия старалась следовать первым двум правилам. Американское правительство сокрушит любого, кто взрывчаткой причинит вред невинным людям или убьет сотрудника правоохранительных органов. Но обещания не убивать «сделанных», не спать с их женами и не иметь дела с наркотой были ложью. Гравано и его подельники по мафии запросто делали все эти три вещи. Как объяснял это мой коллега-прокурор Патрик Фитцджеральд, они напоминали правила против драк в хоккее – на словах нет-нет, а по факту постоянная особенность этой игры.

У близкородственной сицилийской мафии было другое правило, подчеркивавшее центральное положение лживости самой сути всей организованной преступности по обеим сторонам Атлантики. Вновь принятым членам говорили, что им запрещалось лгать другим «деланным» – называемым на Сицилии «человек чести» – если только, и это было большое если только, это не являлось необходимым для того, чтобы заманить его на смерть. Я однажды спросил другого правительственного осведомителя, киллера сицилийской мафии Франческо Марино Маннойю, об этом правиле.

«Франко, – сказал я, – это означает, что ты можешь верить мне, если мы не собираемся тебя убить».

«Да, – ответил он, удивленный моим вопросом. – Люди чести могут лгать лишь о самых важных вещах».

Жизнь во Лжи. Молчаливый круг согласия. Все под полным контролем босса. Клятвы верности. Мироззрение мы-против-них. Ложь о вещах, больших и малых, на службе у какого-то извращенного кодекса верности. Эти правила и стандарты были отличительными признаками мафии, но на протяжении своей карьеры я удивлялся, как часто они применялись вне ее.

Начало моей карьеры в качестве прокурора, особенно моя роль в противостоянии мафии, усилило мою уверенность, что я правильно выбрал карьеру. Право не было очевидным путем для меня. В конечном итоге я выбрал карьеру в правоохранительных органах, так как считал ее лучшим способом помочь другим людям, особенно страдающим от рук сильных мира сего, криминальных боссов, задир. Я не знал этого в то время, но возможно, что произошедший со мной в шестнадцать лет меняющий жизнь случай, когда пистолет был в буквальном смысле приставлен к моей голове, сделал этот выбор неизбежным.

* * *

Вооруженный бандит не знал, что той ночью я буду дома. Он наблюдал через окно подвала и видел, как мои родители попрощались с лежавшей на полу гостиной фигурой, освещавшейся лишь экраном телевизора. Вероятно, он решил, что этой фигурой была моя сестра Триш. Но на самом деле это был мой младший брат Пит (Триш вернулась в колледж после осенних каникул, а наш самый младший брат, Крис, был на собрании бойскаутов). Спустя несколько минут после того как уехали мои родители, он выбил входную дверь нашего скромного дома в сельском стиле и направился прямо по лестнице вниз.

28 октября 1977 года, день, изменивший мою жизнь, был пятницей. Для большей части территории Нью-Йорка предыдущие несколько месяцев были известны как «лето Сэма», когда город и его пригороды терроризировал серийный убийца, охотившийся на сидевшие в автомобилях парочки. Но для северного Нью-Джерси это было лето – и осень – Насильника Рамси. Нападавшего прозвали так из-за дюжины нападений, начавшихся в городке под названием Рамси; наш городок, сонный Аллендейл, находился к югу от него.

Услышав тяжелые шаги по скрипучей лестнице подвала и низкое рычание нашей собаки, Пит вскочил и спрятался. Но вооруженный бандит знал, что он был там. Он навел пистолет и велел моему брату выходить из своего укрытия. Он спросил, есть ли в доме кто-нибудь еще. Пит солгал, что нет.

В то время я был старшекласником и ботаником, имевшим мало близких друзей. Словно в доказательство этого, тем вечером я был дома, заканчивая статью для школьного литературного журнала. Это должна была быть блестящая социальная сатира о крутых ребятах, задирах, и подавляющем давлении со стороны сверстников в старших классах. Статья запаздывала, и ей не хватало яркости, но мне больше нечем было заняться в пятницу вечером. Так что я сидел за столом в своей маленькой спальне и писал.

Находившийся в подвале с Питом бандит потребовал, чтобы его отвели в хозяйскую спальню. Вскоре я услышал прямо у себя за дверью звук двойных шагов, направлявшихся к комнате моих родителей. Затем я услышал новые звуки, когда открывались и закрывались ящики шкафа и комода. Охваченный раздражением и любопытством, я встал и открыл раздвижную деревянную дверь в ванную, разделявшую мою комнату и комнату родителей. Их комната была ярко освещена, и сквозь ванную я видел лежавшего на краю кровати Пита, его голова была повернута ко мне, но глаза плотно закрыты.

Я шагнул в комнату, посмотрел направо и замер. Коренастый белый мужчина средних лет в вязаной шапке держал пистолет и копался в шкафу моих родителей. Время замедлилось так, как я не испытывал больше никогда в жизни. Я на мгновение потерял зрение; оно вернулось в странном тумане, все мое тело пульсировало, словно моему сердцу стало тесно в груди. Заметив меня, бандит быстро подошел к Питу, поставил колено ему на спину и левой рукой приставил ствол пистолета к голове моего пятнадцатилетнего брата. Он повернулся ко мне.

– Двинешься, парень, и я разнесу ему голову.

Я не шевелился.

Грабитель выругался на Пита: «Я думал, ты сказал, что дома больше никого нет».

Затем грабитель убрал ногу с Пита и велел мне лечь на кровать рядом с братом. Стоя у моих ног, он потребовал рассказать, где может найти деньги. Позже я узнал, что у Пита были деньги в кармане джинсов, когда мы лежали там, и он не отдал их. Я отдал все. Я рассказал ему обо всех местах, которые мог вообразить – свиньях-копилках, кошельках, долларах мелочью, полученных от дедушек с бабушками на особенные события, обо всем. Вооружившись моими указаниями, грабитель оставил нас лежать на кровати и отправился на поиски.

Вскоре он вернулся и просто стал над нами, направив на нас пистолет. Не знаю, как долго он направлял его, не говоря ни слова, но достаточно долго, чтобы этот момент изменил меня. Я был уверен, что находился на волосок от смерти. Меня душили отчаяние, паника и страх. Я начал молча молиться, зная, что находился на пороге смерти. В следующее мгновение меня окатила странная волна холода, и мой страх исчез. Я принялся рассуждать, что если он пристрелит первым Пита, я перекачусь по кровати и постараюсь схватить грабителя за ноги. А затем я начал говорить – лгать, если точнее. Ложь так и лилась из меня. Я рассказывал, как чужды мы были со своими родителями – фактически, ненавидели их – что нам было плевать, что он забрал у них, и что мы никому не скажем, что он был здесь. Я лгал снова, и снова, и снова.

Грабитель велел мне заткнуться, и приказал нам обоим встать. Затем он начал толкать нас по узкому коридору от комнаты моих родителей, задерживаясь, чтобы обыскать комнаты и шкафы, мимо которых проходил. Теперь я был убежден, по крайней мере на время, что выживу, и начал стараться рассмотреть его лицо, чтобы суметь описать полиции. Он несколько раз пихал меня в спину стволом пистолета, велел отвернуться от него.

Я опять принялся болтать, снова и снова говоря, что ему нужно просто поместить нас куда-нибудь, и мы будем оставаться там, а он сможет уйти. Я начал ломать голову, пытаюсь придумать такое место в доме – место, где нас можно было бы запереть. Вопреки здравому смыслу, я предложил туалет подвала, сказав ему, что мы не сможем открыть маленькое окошко, потому что мой отец запечатал его на зиму. Это было правдой лишь отчасти: мой отец вставил в раму окна прозрачный пластик, чтобы уменьшить сквозняк, но окно открывалось простым поднятием нижней половины.

Он отвел нас к туалету подвала, сделал знак войти и сказал: «Скажите своим маме и папе, что вы были хорошими маленькими мальчиками». Он подпер чем-то дверь туалета, чтобы не дать нам сбежать.

Мы услышали, как открылась и закрылась дверь гаража, когда грабитель вышел. Я начал дрожать, когда спал адреналин. Сотрясаясь, я взглянул на маленькое окошко, и внезапно его

запомнило лицо грабителя. Он проверял окно снаружи. От этого зрелища у меня перехватило дыхание. После того, как его лицо исчезло, я сказал Питу, что мы останемся здесь до возвращения домой мамы с папой. У Пита были другие идеи. Он сказал: «Ты знаешь, кто это. Он собирается навредить другим людям. Нам нужна помощь». В моем дрожащем состоянии я не думаю, что полностью осознавал, что говорил Пит, или как мог закончиться этот вечер, если бы наша девятнадцатилетняя сестра Триш действительно была дома.

Вместо этого я сопротивлялся. Я был напуган. Пит недолго спорил со мной, а затем заявил, что уходит. Он вытащил пластик из окна, повернул защелку в виде полумесяца и поднял окно. Он выбрался наружу ногами вперед на задний двор.

Хотя, скорее всего, прошла лишь секунда-другая, в моей памяти осталось, что я долго стоял, глядя сквозь открытое окно в темную ночь. Мне следовало остаться на месте или последовать за братом? Я просунул ноги в окно. В то мгновение, как они коснулись холодной земли в саду моей матери, я услышал крик грабителя. Я упал на четвереньки и яростно пополз в густой кустарник позади дома. Грабитель уже схватил Пита и теперь кричал мне: «Выходи сюда, парень, или твоему брату не поздоровится». Я вышел, и грабитель принялся ругать меня за то, что я солгал ему. Наглый от еще одной умной лжи, я ответил: «Мы вернемся обратно», – и двинулся к открытому окну.

– Слишком поздно, – сказал он. – К забору.

Второй раз за тот вечер я решил, что умру. Пока не услышал, как громадный сибирский хаски Санденс нашего соседа появился у нас на заднем дворе вместе с бегущим за ним вприпрыжку владельцем, Стивом Мюрреем, учителем немецкого в старших классах и футбольным тренером.

Следующие секунды размылись в моей памяти. Я помню как бежал от грабителя в свой дом вместе с Питом и тренером Мюрреем по пятам, и захлопнул за собой дверь. Мы заперли дверь, оставив грабителя снаружи терроризировать жену и мать тренера, последовавших за ним, услышав переполюх у нас в доме – поступок, заставивший меня ощущать чувство вины даже десятилетия спустя.

Затем мы взбежали по лестнице, погасили везде свет и вооружились. У меня в руке был большой мясницкий нож. Тогда у нас не было службы 911, так что мы набрали оператора, и я попросил соединить меня с полицией. Я говорил с диспетчером, который не переставая повторял мне успокоиться. Я объяснил, что не могу успокоиться, что в нашем доме был человек с пистолетом, и что он вернулся, и нам немедленно нужна помощь. Мы ждали в темноте у входной двери и обсуждали, как напасть на грабителя. К моему дому подъехала полицейская машина. Мы моргнули наружным освещением, и машина остановилась. Мы распахнули входную дверь и побежали прямо к офицеру, я был босиком и держал в руке большой мясницкий нож. Офицер поспешно сделал шаг от своего автомобиля, и его рука метнулась к оружию. Я крикнул «нет, нет!», – и указал на дом Мюрреев. – «Он направился туда. У него пистолет!» – грабитель выскочил из входной двери Мюрреев и пустился наутек в сторону соседнего леса.

Когда на нашу маленькую улицу стеклись полицейские автомобили многочисленных юрисдикций, я босиком вскочил на свой десятискоростной Schwinn и четверть мили крутил педали до церкви, где мои родители брали уроки бальных танцев. Я спрыгнул с велосипеда, уронив его, рывком распахнул дверь церкви и что есть сил завопил «Папа!». Все остановилось, и толпа двинулась ко мне, во главе с моими матерью и отцом. Увидев мое лицо, мама заплакала.

Полиция не нашла Насильника Рамси той ночью. Подозреваемый был арестован много дней спустя, но дело так и не открыли, и его отпустили. Но той ночью длинная череда ограблений и сексуального насилия прекратилась.

Моя встреча с Насильником Рамси принесла мне годы боли. Я как минимум на протяжении пяти лет каждую ночь думал о нем – не большинство ночей, каждую ночь – и гораздо дольше спал с ножом под рукой. В то время я не понимал этого, но этот страшный опыт явился,

по-своему, невероятным подарком. Вера – понимание разумом – что скоро умру, а затем выживание, сделало мою жизнь чем-то вроде драгоценного, хрупкого чуда. Будучи старшеклассником, я начал наблюдать закаты, смотреть на почки на деревьях, и обращать внимание на красоту нашего мира. Это ощущение сохраняется до настоящего времени, хотя иногда оно проявляется способом, который может показаться банальностью для людей, которым посчастливилось никогда не измерять секундами оставшееся им на этой земле время.

Насильник Рамси с ранних лет научил меня, что многие вещи, которые мы считаем ценными, таковыми не являются. Когда я беседую с молодежью, то предлагаю сделать им нечто, что может показаться несколько странным: «Закройте глаза», – говорю я. – «Сядьте и представьте, что вы в конце своей жизни. С этого наблюдательного пункта дым стремления к признанию и богатству рассеивается. Дома, автомобили, награды на стене? Кому это нужно? Вы на пороге смерти. Кем бы вы хотели быть?» – Я говорю им, что надеюсь, что некоторые из них решат быть людьми, использующими свои способности, чтобы помогать тем, кто нуждается в них – слабым, находящимся в бедственном положении, напуганным и запуганным. Что-либо отстаивающими. Небезразличными. Вот в чем истинное богатство.

* * *

Насильник Рамси не направил меня в правоохранительные органы каким-либо сознательным образом, по крайней мере, не сразу. Я все еще думал, что хочу быть врачом, и стал слушателем подготовительных курсов со специализацией в химии в колледже Уильяма-и-Мэри. Но однажды я направлялся в химическую лабораторию и заметил слово «СМЕРТЬ» на доске объявлений. Я остановился. Это было объявление о наборе в класс кафедры религии, делившей здание с кафедрой химии. Я записался на курс, и все изменилось. Тот класс позволил мне изучить вызывавший у меня большой интерес предмет и увидеть, как мировые религии рассматривают тему смерти. Я добавил религию в качестве второй основной специализации.

Кафедра религии познакомила меня с философом и богословом Рейнгольдом Нибуром, чья работа произвела на меня глубокое впечатление. Нибур видел зло в мире, понимал, что людская ограниченность делает невозможным любому из нас по-настоящему полюбить другого как себя, но тем не менее нарисовал захватывающую картину нашего долга стараться добиваться справедливости в неидеальном мире. Он никогда не слышал песню кантри-певца Билли Каррингтона «Бог – велик, пиво – хорошее, а люди – сумасшедшие», но оценил бы текст, и, хотя это и не сделало бы песню хитом, скорее всего, добавил бы: «А ты по-прежнему должен стараться достичь в какой-то мере справедливости в нашем несовершенном мире». А справедливости, считал Нибур, проще всего достигнуть с помощью инструментов правительственной власти. Постепенно до меня дошло, что в конце концов я не собирался быть доктором. Юристы намного больше напрямую принимают участие в поисках справедливости. Этот путь, думал я, может быть лучшим способом что-то изменить.

Глава 2

Наше дело

В Соединенных Штатах есть 94 федеральных округа, в каждом из которых председательствует окружной прокурор Соединенных Штатов, назначаемый президентом и утверждаемый Сенатом. Эти отделения сильно различаются размером и размахом. Южный округ Нью-Йорка, находящийся на Манхэттене один из крупнейших и обладает высокой репутацией. Он славится энергичностью и повышенным чувством собственной способности доводить дела до суда. Этот округ долгое время обвиняли в том, что он рассматривал лишь один вопрос в отношении претензий на юрисдикцию: «Это случилось на земле?»

Я приступил к работе в офисе окружного прокурора Соединенных Штатов на Манхэттене в 1987 году. Это было работой моей мечты. Я буду работать на человека, который уже стал легендарным: Руди Джулиани.

* * *

Когда я в 1985 году окончил юридический факультет Чикагского университета, я все еще не знал точно, в какой области юриспруденции хочу работать. После второго курса я подал заявление на должность секретаря федерального суда, одно- или двухлетнее обучение работе помощника федерального судьи первой инстанции. На последнем курсе юридического факультета я наконец получил ее – у нового федерального судьи на Манхэттене.

Судья, Джон М. Уолкер-младший, поощрял нас присутствовать в зале суда и наблюдать, если слушалось интересное дело. Весной 1986 года правительство попыталось использовать новый федеральный закон для ареста обвиняемого без возможности освобождения под залог на основании того, что он был опасен для общества. Это был не просто какой-то обвиняемый, а Энтони «Толстый Тони» Салерно, босс криминальной семьи Дженовезе, одной из пяти банд итальянской мафии в Нью-Йорке.

Толстый Тони был прямо из фильмов про мафию. Он был с избыточным весом, лысый, ходил с тростью и держал во рту незажженную сигару даже в суде. У него был скрипучий голос, которым он громко выкрикивал в суде, чтобы добавить что-то к сказанному его адвокату. – «Это возмутительно, хочу сказать», – извергал он со своего места. Его соответчик Винсент «Рыба» Кафаро с узким лицом и темными глазами действительно в моих двадцатипятилетних глазах был похож на рыбу. Чтобы доказать, что Салерно был опасен для общества, и в залоге следовало отказать, федеральные обвинители предложили пленки с записями разговоров, сделанных с помощью жучка, помещенного ФБР под стол в общественном клубе Толстого Тони, «Палма Бойз», расположенном в итальянском анклав в Восточном Гарлеме. Было слышно, как Салерно говорит о заказах избиений и убийств, и вполне четко озвучивает свою роль: «Кто я такой? Я – гребанный босс».

Это дело показало, что в мафиозных семьях решения босса не подлежат сомнению. Его слова о жизни и смерти означали, что кто-то умрет. И наихудшим грехом было предать семью, стать «крысой». В Мафии все держалось на преданности, и вы покидали ее, лишь когда покидали эту землю, по естественным или каким-либо иным причинам. Лишь крысы покидали мафию живыми.

Я сидел там, замороженный, в то время как двое федеральных обвинителей, оба помощники окружных прокуроров Соединенных Штатов, вели дело против Толстого Тони. У них были пленки и свидетельские показания, как Толстый Тони и Рыба заказывали «мокруху», переломы ног, запугивали профсоюзы и управляли мафиозным семейством. Защита спорила,

что это все были просто «мужские разговоры», но обвинители предоставили веские доказательства, опровергавшие это абсурдное утверждение. Эти двое обвинителей были лишь чуть старше меня. Они стояли прямо, говорили понятно и откровенно. Они не преувеличивали, они не позировали. Казалось, у них нет никакого другой мотивации кроме как устранить несправедливость и говорить правду. Меня как громом ударило. – «Вот чем я хочу заниматься в жизни», – подумал я. Я устраюсь в юридическую фирму в Нью-Йорке и получу дополнительный год опыта, который мне требовался прежде чем я смогу подать заявление на должность окружного прокурора. И это будет год, который я никогда не забуду, из-за одного человека.

* * *

Я был двадцатипятилетним юристом в нью-йоркской юридической фирме, оказавшей мне большую услугу, более чем на год отправив меня в Мэдисон, штат Висконсин, для работы над невероятно сложным и скучным страховым делом. И тем не менее, это был подарок, так как Ричард Л. Кэйтс являлся так называемым «местным адвокатом» в этом деле, рассматривавшемся в суде штата в Мэдисоне. Шестидесятиоднолетний Кэйтс был нанят для того, чтобы посвятить в местные реалии больших шишек, адвокатов из крупного города, собиравшихся вести это дело. Я видел в Дике доброту и жесткость, уверенность и скромность. Мне потребовались десятилетия, чтобы понять, что эти пары являлись фундаментом великолепных руководящих качеств. Еще я в этом человеке исключительных суждений видел страстную приверженность равновесию.

Дик скончался в 2011 году, прожив жизнь, начавшуюся в сиротском приюте Нью-Йорка, и проведенную в поисках радости от своей работы и своих взаимоотношений. Он женился на любви всей своей жизни, родил пятерых детей, поступал и увольнялся с государственной службы, включая два срока в Корпусе морской пехоты во время войны, и никогда не терял свое стремление, по словам его сына, «защищать слабых от подавления сильными». Он переехал с семьей на ферму в окрестностях Мэдисона, чтобы его дети не размякли. Он ездил на работу несколько миль на велосипеде. Он без конца играл со своими детьми, а затем с их многочисленными детьми.

Несмотря на все зло, которое он видел, Дик находил жизнь и людей бесконечно интересными, и смеялся над обоими. Он брал показания, ничего не имея перед собой, даже клочка бумаги, начиная заседание с того, что широко улыбался свидетелю и говорил: «Расскажите мне вашу историю». Его ум и память позволяли ему часами отслеживать сюжет и задавать дополнительные вопросы.

Не думаю, что Дик Кэйтс преподавал мне хоть один прямой урок за тот год, что мы работали вместе. По крайней мере, я не припомню таковых. Но на протяжении года будучи свежеиспеченным юристом и без пяти минут мужем я сидел рядом с ним и наблюдал за ним. Я наблюдал, как он смеется над претензиями и над давлением. Я видел, как он принимает решения, руководствуясь здравым смыслом, когда адвокаты из большого города завязывались узлом чрезмерных раздумий и самонадеянности. Я наблюдал, как он оживляется при едином упоминании его жены, детей и внуков. Я видел, как он сдвигал горы, чтобы присутствовать на их событиях, их ужинах, их проектах. Я видел, что его не волновало, что он получает лишь крохи того, что платили адвокатам по делу из Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Он был счастливым человеком.

«Вот человек, которым я хочу быть», – думал я. Мои усилия в плагиате жизни были несовершенны, но эти уроки были бесценны. Вот что значит вести и поддерживать жизнь. – «Я так рад, что пошел в большую юридическую фирму», – не то, что вы часто слышите, но для меня это так.

* * *

Помощник окружного прокурора Соединенных Штатов – это неполитическая должность карьерного юриста, на которой юрист представляет Соединенные Штаты в уголовных или гражданских делах в округе, в котором работает. В 1987 году меня назначили в уголовный отдел. Моей работой было помогать федеральным агентам – ФБР, УБН¹, АТО², Секретной службе и почтовым инспекторам Соединенных Штатов – в расследовании федеральных преступлений и, там, где нужно, выдвигать обвинения и выступать обвинителем в суде. На протяжении следующих шести лет я расследовал все виды преступлений, начиная с хищения почты, торговли наркотиками и ограбления банков до сложных мошеннических схем, экспорта оружия, ракеты и убийств. Моим первым делом было расследование попытки убийства федеральных агентов АТО бандой наркоторговцев во время исполнения ордера на обыск. Дилеры открыли по агентам огонь с пожарной лестницы, когда федералы попытались проникнуть в укрепленный наркоторгон.

В попытке убедить невольного свидетеля дать показания против преступников главный агент по делу отвез меня в жилой дом в северном Манхэттене – территорию, контролируемую наркоторговцами. Он сказал, что если она поверит обвинителю, который будет говорить с ней в суде, это может убедить ее дать показания. Мы поднялись шесть пролетов по лестнице к ее квартире, и агент постучал в дверь. Свидетельница открыла дверь и впустила нас в небольшую квартирку. Она провела нас через гостиную, в которой на стуле спиной к стене сидел человек лет двадцати. Он не шевелился и ничего не говорил, лишь буравил нас взглядом. В задней комнате мы наедине тихо поговорили с женщиной. Я сделал все возможное, чтобы она сотрудничала, но она не согласилась. Когда мы уходили, человек на стуле оставался неподвижным, снова только пристально глядел. Когда мы с агентом покинули здание и перешли тротуар, направляясь к машине агента, я сказал, что парень на стуле выглядел очень страшным, и предположил, что скорее всего у него сзади за поясом был пистолет.

– Хорошо, что тот парень знал, что мы вооружены, так что ничего не сделал, – сказал я. Помощники окружного прокурора Соединенных Штатов не носили оружия. Это было работой агента.

Агент обернулся. – «У вас был пистолет? Потому что свой я забыл под сиденьем». – Он добрался до машины и достал свое оружие.

Пройдет немало времени, прежде чем я расскажу своей жене о той маленькой вылазке.

* * *

При работе в офисе Руди Джулиани существовало нечто вроде неписанного кодекса, как, полагаю, и в большинстве организаций. В его случае, меседж заключался в том, что Руди был звездой на вершине, и успехи офиса стекались к нему. Вы нарушали этот кодекс на свой страх и риск. У Джулиани была исключительная непоколебимость и, будучи молодым прокурором, я считал его жесткий стиль захватывающим, что отчасти и влекло меня в его офисе. Мне нравилось, что мой босс был на обложках журналов, стоя на ступенях здания суда, уперев руки в бедра, словно он правил миром. Это воодушевляло меня.

Прокуроры практически никогда лично не встречались с этим великим человеком, так что я был особенно взволнован, когда как-то в начале моей карьеры, вскоре после того, как

¹ Управление по борьбе с наркотиками. – Прим. перев.

² Федеральное бюро по алкоголю, табаку и оружию. – Прим. перев.

меня назначили на расследование, касавшееся одной нью-йоркской шишки, одевавшейся в блестящие спортивные костюмы и носившей на шее медальон размером с нобелевскую медаль, он остановился у моего кабинета. Штат Нью-Йорк проводил расследование в отношении Эла Шарптона³ из-за подозрений в хищениях из его благотворительной организации, и меня назначили проверить, не попадает ли это дело под федеральную юрисдикцию. Я никогда не видел Руди на моем этаже, а теперь он стоял у самой моей двери. Он хотел, чтобы я знал, что он лично внимательно следит за ходом расследования и убедиться, что я проделаю хорошую работу. Мое сердце билось от тревоги и волнения, когда он давал мне напутствия, стоя в дверном проеме. Он рассчитывал на меня. Он обернулся уйти, а затем остановился. – «О, и я хочу эту гребаную медаль», – сказал он и вышел. Но мы так и не открыли федерального расследования. Власти штата выдвинули против Шарптона обвинение, но по окончании судебного процесса тот был оправдан. Медаль осталась у своего владельца.

Мне потребовалось время, чтобы понять, что непоколебимость Джулиани не замешивалась на избытке скромности. Ценой этой диспропорции являлось то, что для других оставалось очень мало кислорода. Первым звончком стала моя первая пресс-конференция. Я работал с ФБР, чтобы арестовать преступную группу, которая угоняла внедорожники из гаражных стоянок на Манхэттене и помещала их в грузовые контейнеры в Бронксе. Затем эти контейнеры заталкивали на корабли, направлявшиеся в Африку или на Карибы, где эти машины перепродавали. Следствию, возглавлявшемуся специальным агентом Мари Эллен Бикман, которая до того, как присоединиться к Бюро, была монахиней римско-католической церкви, удалось проникнуть в этот процесс и тайно сфотографировать процесс загрузки. Специализацией Мари Эллен являлись угоны автомобилей и убеждение закоренелых преступников стать правительственными информаторами. И хотя она не одобряла нецензурную брань, столь распространенную в правоохранительных органах, она была выдающимся следователем; со своей предыдущей карьеры она вынесла способным самым действенным образом использовать вину, чтобы растопить сердца головорезов. В данном случае воры были настолько умелыми, что автомобили уже были на пути из страны еще до того, как было заявлено об их угоне. Это было крутое дело, и ФБР с Джулиани решили устроить пресс-конференцию.

Мой руководитель велел мне стоять позади подиума, пока Джулиани, специальный уполномоченный департамента полиции Нью-Йорка и глава нью-йоркского отделения ФБР будут говорить с прессой. Я не должен был ни при каких обстоятельствах говорить или двигаться. Затем он повторил то, что я слышал и раньше: «Самое опасное место в Нью-Йорке – между Руди и микрофоном». – Я стоял замерев позади, выглядев, словно лишний в фильме про баскетбол, забредший не на ту площадку.

Хотя убежденность Джулиани была захватывающей, она вскормила имперский стиль, основательно сужавший круг людей, с которыми он взаимодействовал, и лишь намного позже я понял, как это опасно: руководителю нужна правда, но император не всегда слышит ее от своих подчиненных. Поведение Руди оставило за собой на Манхэттене шлейф обид среди дюжин федеральных судей, многие из которых работали в том самом офисе окружного прокурора. Они считали, что он строил офис вокруг одного человека, себя, и скорее использовал гласность вокруг своих дел в качестве способа подпитки своих политических амбиций, чем отправлял правосудие. Эта обида все еще ощущалась, когда я стал старшим федеральным прокурором на Манхэттене – и сел в кресло Джулиани – дюжину лет спустя.

Одним из высших приоритетов Джулиани являлась организованная преступность, в действительности ставшая центром внимания задолго до того, как он вступил в должность. Его

³ Американский политический активист, проповедник, защитник прав чернокожих американцев. Активно участвует в акциях протеста против случаев расизма, дискриминации, нарушения гражданских прав. В 2004 году баллотировался в президенты от Демократической партии. – *Прим. перев.*

прокуроры возбуждали дела против отдельных боссов мафии, вроде Салерно, а также обвиняли предводителей пяти семейств Коза Ностры, восседавших в «Комиссии⁴», распределявшей криминальные деньги среди семейств и выступавшей в качестве арбитра в спорах. Что более важно, офис Руди возбуждал гражданские дела, чтобы позволить правительству взять под контроль большие профсоюзы – среди прочего водителей, электриков, плотников и портовых рабочих – чтобы лишить мафию ее основного источника денег и влияния, шедших от использования профсоюзов для вымогательства денег у легального бизнеса. Эти успешные усилия по уничтожению Коза Ностры продолжались еще в течение долгого периода после того, как Руди ушел в отставку с поста окружного прокурора Соединенных Штатов, чтобы заняться политической карьерой.

Наиболее могущественной из пяти семей мафии была семья Гамбино. Как и остальные семейства, она уходит своими корнями к сицилийским эмигрантам в Соединенные Штаты, обретшим богатство и власть, терроризируя сперва своих товарищей-эмигрантов, а затем полностью всех соседей и города. В первых попытках дать бой мафии, в 1946 году американское правительство депортировало знаменитого мафиози Чарльза «Счастливчика» Лучано, отправив его обратно на Сицилию, где он быстро придал энергии и реорганизовал мафию на том острове, укрепив трансатлантическую связь между преступными организациями, что на десятилетия поспособствовало процветанию торговли героином. В центре той торговли наркотиками в 1970-х и 1980-х стоял человек по имени Джон Гамбино, влиятельный сицилийский представитель, служивший «каналом» или связью между семьями сицилийской мафии и семьей американских Гамбино, в которой он был старшим руководителем.

Мне повезло поучаствовать в деле против этого «канала» и семьи Гамбино в качестве одного из двух обвинителей в деле «Соединенные Штаты против Джона Гамбино». Это дело начинали два других прокурора, которые отошли в сторону по личным причинам. К тому времени я поднялся в отделении до должности руководителя и привлек к работе над этим делом еще одного прокурора, Патрика Фитцджеральда, своего близкого друга со времен учебы на юридическом факультете. Окончивший юридическую школу Гарварда, Пат был сыном ирландских эмигрантов и вырос в маленькой квартирке в Бруклине. Его отец работал швейцаром, и Пат иногда подменял его, когда возвращался домой из школы. У него были острый ум и полное отсутствие претензий, вот почему у него не было проблем с тем, чтобы валяться у нас на диване – позаимствовав наше пиво – в пляжном домике в Нью-Джерси, который я с несколькими друзьями арендовал на время летних каникул на юридическом факультете.

Фитцджеральд устроился на работу в офис окружного прокурора Соединенных Штатов в 1988 году, годом позже меня, и меня назначили присматривать за ним во время его первого федерального уголовного процесса с участием присяжных. Он был легендарным неряхой с поразительной памятью. В его судебной тележке – модифицированной тележке для покупок, используемой для перевозки документов и вещественных доказательств в суд и обратно – я увидел небрежную стопку ключевых документов по делу. – «Давай-ка разложи их по папкам», – наставлял я. Он кивнул. Вернувшись позже, я увидел, что он положил каждый документ в неименованную папку для бумаг и вернул их в стопку. Так или иначе, он все еще знал, где находился каждый документ.

К тому времени, когда подоспело дело Гамбино, мы оба уже были прокурорами-ветеранами и обсуждали по телефону возможных напарников для него, поскольку для дела Гамбино требовались два обвинителя. Я не входил в число кандидатов, поскольку моя семья планировала уехать из Нью-Йорка. Моя жена Патрис больше привыкла к кукурузным полям своей родной Айовы и зеленым пригородам северной Вирджинии, и годами лишь терпела Нью-Йорк. В начале нашего брака, когда подвернулась возможность поработать на Руди Джулиани, я изме-

⁴ Коллективный руководящий орган американской Коза Ностры, созданный Лаки Лучано в 1931 году. – *Прим. перев.*

нил своему обещанию, что мы будем растить детей в Вирджинии. Так что Патрис и я шесть лет прожили в пригороде Нью-Джерси, сперва в квартирке размером с коробку для обуви над магазином по продаже велосипедов, затем в скромном арендованном доме на две семьи. С двумя нашими подраставшими дочерьми полдома стало слишком тесно.

Пока я стоял на кухне и беседовал с Фитцджеральдом, Патрис слушала конец моего разговора. Внезапно она вмешалась, попросив меня повесить трубку, поскольку ей нужно было поговорить со мной. Я сказал Пату, что перезвоню.

– Это звучит как дело всей жизни, – сказала она.

– Так оно и есть, – ответил я.

– Я останусь ради этого. Я останусь ради того, чтобы ты взялся за это дело вместе с одним из своих лучших друзей. Перезвони и скажи, что ты нашел ему напарника.

Мы отложили наш переезд на год.

* * *

Пат и я провели месяцы, изучая это дело и мафию. Для начала мы поговорили с тем, кто знал Коза Ностру лучше всех в Соединенных Штатах – благо его кабинет находился дальше по коридору от нашего. Кеннет Маккейб являлся бывшим детективом полиции Нью-Йорка, устроившимся на работу в офис окружного прокурора Соединенных Штатов на Манхэттене в качестве следователя в самом начале войны с мафией. Добрый гигант, ростом метр девяносто и весом более 113 килограмм, с грудным голосом и отчетливым нью-йоркским акцентом, Кенни знал каждого члена мафии по внешности, имени и кличке. И знал он все это потому, что свыше двадцати лет в департаменте полиции Нью-Йорка, а затем в офисе окружного прокурора Соединенных Штатов он руководил бесконечными наблюдениями за свадьбами, поминками и похоронами, а также провел сотни опросов членов мафии и ренегатов.

По причинам, которых я никогда не понимал, подразделение ФБР в Нью-Йорке по борьбе с мафией долгое время не выражало особого желания «прикрыть» мафиозные похороны и свадьбы. Полагаю, что агенты не хотели выбираться из пригородов, чтобы накрыть не имевшие большого практического значения события, всегда проходившие по уикендам или по ночам. Маккейб смотрел на это по-другому и полагал, что там вы можете узнать больше, просто наблюдая. Так что он наблюдал и фотографировал, в любую погоду, по уикендам и по ночам, годами.

Мафия тоже знала Кенни Маккейба и, каким-то странным образом, уважала его как близкого противника. Кенни понимал специфическую потребность членов мафии верить, что они были «людьми чести», так что он обходился с ними так, что они рассматривали как уважение, никогда не пытаясь вручить повестку у них дома и никогда не смущая их арестами на глазах у их жен и детей. Как результат, подумывавшие о предательстве члены Коза Ностры часто сперва связывались с Маккейбом.

Кенни Маккейб преподал нам азы Коза Ностры, а затем ездил с нами и агентами ФБР по этому делу на встречи со спрятанными по всей стране перебежчиками из мафии, которые должны были стать краеугольным камнем нашего дела. Одним из этих ренегатов был «Сэмми Бык» Гравано, бывший младший босс – номер два – криминальной семьи Гамбино.

Впервые я встретил Гравано, когда вместе с Патом и Кенни прибыли в специальную федеральную тюрьму для свидетелей в отдаленной части Соединенных Штатов в 1992 году. Помню, что я слегка беспокоился, ожидая, когда в комнату войдет младший босс семьи Гамбино. Как все пройдет? Как он отреагирует на этих двоих молодых прокуроров? На что это будет похоже встретиться с человеком, совершившим, по его собственному признанию, девятнадцать убийств?

Миниатюрный Гравано вошел в комнату в тюремном облачении и ботинках с резиновой подошвой без шнурков. Его острый взгляд обвел комнату и остановился на громадном как

гора Маккейбе. Тот не нуждался в представлении. – «Это честь», – сказал он Кенни, протягивая руку. Затем Гравано повернулся и заговорил со мной и Фитцджеральдом. Раз мы были с Маккейбом, значит все в порядке.

Гравано являлся ключевым свидетелем. Правительство США взяло человека, ложью поднявшегося до вершин мафии, и заставило его рассказать правду, чтобы уничтожить Коза Ностру по обеим сторонам Атлантики. Его жизнь лжеца и убийцы стала жизненно необходимой для поиска правды и правосудия. Когда он закончил сотрудничество, его отпустили жить под программой защиты свидетелей. (Неудивительно, что он снова оказался в тюрьме за новые преступления, совершенные под новой личностью).

Гравано изрядно просветил меня в отношении мафиозной культуры и того, как я уже упоминал ранее, как «жизнь начинается со лжи». Как и киллер сицилийской мафии Франческо Марино Маннойя.

Как и Гравано, Франко Маннойю сбивала с толку система правосудия США. Он не понимал зачем, к примеру, Фитцджеральд и я настаивали на том, чтобы знать обо всех актах насилия, в которые он был вовлечен, прежде чем мы представим его в качестве свидетеля в американском суде. Конечно же, американское законодательство обязывало нас раскрыть информацию, которая может поставить под вопрос надежность нашего свидетеля. Хотя и сбитый с толку, он, по соглашению об иммунитете с итальянским правительством, также должен был сотрудничать с американцами, поэтому детально описал все двадцать пять убийств, в которых лично принимать участие.

Многие мафиозные убийства на Сицилии в 1980-х годах включали в себя завлечение в удаленное место обреченного «человека чести», и удушение его. Мы часами сидели, слушая подробный обыденный рассказ Маннойя о детально проработанных уловках и жестоких последних минутах его работы. Он верил, что удушение, требовавшее помощи четырех других крепких мужчин, являлось благородным способом убийства, в отличие от трусливого использования оружия с расстояния.

Маннойя объяснил нам сложное правило, гласившее, что членам мафии запрещалось напрямую раскрывать себя как членов Коза Ностры. Как и в американской мафии, личность должна была оставаться тайной, и один член мог быть представлен другому члену лишь третьим членом, знавшим их обоих. Это правило против раскрытия однажды сыграло странную роль в двойном убийстве, в котором принимал участие Маннойя.

Он рассказал, как ему вместе с другими членами его мафиозной семьи поручили расследовать некие несанкционированные преступления, произошедшие на территории его семьи. Они исполнительно очертили круг обычных подозреваемых и остановились на двоих людях. Они забрали этих двоих в удаленное место и допросили каждого по отдельности. Даже после использования классических приемов вроде «дилеммы заключенного» – убеждение каждого подозреваемого, что другой собирался впутать его – члены мафии не добились признаний. Две группы допроса посоветовались и, по рассказу Маннойя, пришли к выводу, что эти двое преступников в действительности были невиновны в злодеяниях, о которых шла речь. Мы спросили его, что случилось дальше.

– Мы задушили их, – последовал его обыденный ответ.

– Почему?! – воскликнул Пат Фитцджеральд. – Они же были невиновны.

– Потому что своими вопросами мы показали свою принадлежность к Коза Ностре. Мы не могли позволить им жить с этим знанием».

– Так зачем же вы вообще затеяли этот опрос? – вмешался я.

– Я не понимаю, – Маннойя нахмурил обрамлявший грустные глаза безмятежный лоб. – Это наш долг.

* * *

Маннойя был первым киллером мафии, вызванным нами для дачи показаний против Джона Гамбино. За ним мы представили еще одного киллера сицилийской мафии, Гаспаре Мутоло, также ставшего сотрудничающим свидетелем. Наши итальянские коллеги прятали его в пустом женском монастыре в итальянской провинции, и, прежде чем он даст свидетельские показания, Фитцджеральд и я, совместно с агентами ФБР, полетели в Рим, чтобы опросить его. Пока мы ели домашнюю пасту, приготовленную для нас этим профессиональным убийцей, Мутоло излагал свою жизнь в качестве «человека чести» Коза Ностры.

Хотел бы я сказать, что чувствовал что-то особенное, находясь в присутствии серийного убийцы, протягивавшего мне чашку с эспрессо в пустом женском монастыре. В фильмах в этот момент на фоне может играть какая-то тревожная музыка или может тускнеть свет. Но ничего этого не было. У зла обычное лицо. Оно смеется, оно плачет, оно отвлекает, оно оправдывает свои действия, оно делает отличную пасту. Эти убийцы были людьми, пересекшими несмыслимую черту в человеческом жизненном опыте, умышленно забрав чужие жизни. Все они сочинили свое собственное изложение, чтобы объяснить и оправдать свои убийства. Никто из них не считал себя плохими людьми. И все до единого они говорили одно и то же: первый раз было очень, очень тяжело. После этого, не настолько.

Мутоло убил так много людей, что не мог вспомнить их всех. После того, как назвал почти тридцать человек, он добавил, что, надо полагать, было еще семь или восемь. В определенный момент он вспомнил, как убил человека по имени Галатало. Затем он вспомнил, как тесаком для мяса ударил еще одного человека по имени Галатало, но тот человек не умер. Стоя на свидетельской трибуне, он вспомнил, что на самом деле убил еще одного человека по имени Галатало, в сумме убив двоих Галатало, и одного Галатало просто ударив в грудь тесаком для мяса.

В течение дня я был в суде, пока Мутоло давал показания, раскрывая секреты мафиозного царствования смерти и преступности, в то время как мои вечера были заняты встречами с «Сэмми Быком» Гравано в убежище, контролируемом Службой маршалов Соединенных Штатов. Гравано перед этим давал показания против босса семьи Джона Готти в федеральном суде Бруклина, где адвокаты защиты акцентировали внимание на его вовлеченности в девятнадцать убийств. «Сэмми Бык» не знал этого, но частью нашей стратегии было представить киллеров мафии таким образом, чтобы присяжным фактически уже наскучили детали мафиозных убийств к тому моменту, как Гравано, наш звездный свидетель, предстал перед ними. Мы надеялись, что это выставит Гравано в более благоприятном свете перед присяжными.

Однако Гравано отчасти рассматривал это как профессиональный позор. Однажды вечером я вошел в конференц-зал убежища. Гравано со взглядом отвращения швырнул передо мной на стол нью-йоркский таблоид. Он читал статью с мрачным подсчетом количества жертв нашего свидетеля, сицилийского киллера, которое было намного выше его собственного. Указывая на газету, Гравано рявкнул: «Боже, Джимми, из-за тебя я выгляжу долбаной школьницей».

Благодаря работе дюжин следователей и прокуроров, хватка Коза Ностры на профсоюзах была разрушена, ее лидеры заключены в тюрьму, и ее господство по обеим сторонам Атлантики уничтожено. Присяжные по делу Джона Гамбино фактически не смогли прийти к согласию 11-1 по всем самым серьезным обвинениям, при весьма подозрительных обстоятельствах, но он, не дожидаясь повторного слушания, признал себя виновным, был приговорен к пятнадцати годам в федеральной тюрьме и впоследствии скончался. В Нью-Йорке все еще есть люди, называющие себя итальянской мафией, но это пестрое сборище мелких преступников,

за которое было бы стыдно «Счастливчику» Лучано. Это скорее напоминает «Клан Сопрано» без терапевта.

Глава 3

Задира

Члены мафии могут одеваться и говорить специфическим образом, но все они являются частью довольно распространенного вида – задир. Все задиры по большей части одинаковы. Они угрожают слабым, чтобы подпитывать некую бушующую внутри них неуверенность. Я знаю. Я видел это вблизи.

Когда люди видят меня, первой реакцией они всегда обращают внимание на мой рост. С моими метр восемьдесят меня трудно не заметить. Но когда я был ребенком, я был чем угодно, только не внушительным. На самом деле, когда мы с родителями переехали из Йонкерса, штат Нью-Йорк, в Аллендейл, штат Нью-Джерси, я был в пятом классе, и быстро перешел из разряда всеобщих любимцев в разряд всеобщей мишени для задир.

С рождения я жил в скромном доме, плотно стоявшем с другими скромными домами, в Йонкерсе. Практически все мои родственники были из Йонкерса, городка синих воротничков в северной части Бронкса, одного из пяти районов Нью-Йорка. Мои прадеды были частью волны ирландской эмиграции в эту область в конце 1800-х. Мои мама с папой выросли в кварталах друг от друга на «холме», ирландском анклав в северо-западной части города. Мой дедушка бросил школу в шестом классе, пойдя на работу, чтобы поддержать свою семью после того, как его папа был погребен во время промышленной аварии. Позже он стал офицером полиции и поднялся до главы Департамента полиции Йонкерса.

Наш дом располагался сразу за государственной школой номер 16, школой, где я счастливо провел свои ранние годы детства. Моя мама ходила в 16-ю школу. Один из лучших друзей моей бабушки был ее директором. И к моменту нашего переезда я был одним из любимчиков в своем пятом классе.

Йонкерс и школа номер 16 являлись центром моего мира. Я видел эту большую школу из красного кирпича сквозь высокий сетчатый забор, отделявший мой задний двор от школьного двора. Моя старшая сестра, два младших брата и я каждый день ходили в школу, огибая квартал, так как забор был слишком высоким, чтобы перелезть. Я знал всех, и насколько я знал, все считали меня прикольным пятиклассником. Я вписывался. Я чувствовал себя там в своей тарелке. Это было великолепное ощущение. Но оно закончилось, когда отец принес нам новости, изменившие мою жизнь.

Мой отец, Брайан Коми, работал на большую нефтяную компанию. Он начал с продажи канистр с моторным маслом операторам АЗС, а перешел к поиску мест для новых станций. Последующие десятилетия он мог кататься по всему району большого Нью-Йорка и показывать уголки, которые он пометил, «его» АЗС. В 1960-х бизнес и автомобилей, и заправок были на подъеме.

Когда мой отец устроился на новую работу в компанию на севере Нью-Джерси в 1971 году, это означало, что мы должны были переехать – в место, которое до данного момента существовало у меня в голове лишь в виде высоких скал, называемых Палисадом. Йонкерс расположен на восточном берегу в милю шириной реки Гудзон. В пространстве между домами на своей улице я мог видеть Палисад, образовывавший темную каменную стену на западном берегу. Не думаю, что я когда-либо полагал, что мир заканчивается у этой гигантской стены, так как мы однажды ездили в Индиану, но он вполне мог бы. Мы переезжали по другую сторону этой стены, где новый мир ожидал самого клевого парня в пятом классе школы номер 16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.